

**Иван Быков****ШИБЗИК***Рассказ*

**Е**гор был крутолюб, но бараном не был хотя бы потому, что имел жену, да не какую-нибудь, а чернобровую, черноглазую, милостивую, пухленькую, с ямочками на щеках. А еще она родила ему дочку и сыночка: вариант, о котором мечтают многие. Дочка родилась вскоре после свадьбы, а вот сын — уже после того, как жена года два проработала на стадионе кладовщицей. Егор помнил, как Нина на Восьмое марта принесла вместе с желтыми тюльпанами совершенно новый футбольный мяч — белый с черными квадратиками, терпко пахнувший кожей, сказав, мол, ей молодой тренер подарил. А к концу лета она мяч «проглотила», то есть ее живот округлился, да и сама она тоже округлилась. «Может быть, футбольный слопала, может, волейбольный, но вернее всего, — посмеивался иногда Егор, — баскетбольный». Посмеивался он так потому, что сынок, который родился на осеннюю Казанскую, в отличие от своей сестры, рос как на дрожжах. Уже в пятом классе под два метра вымахал! А таким дорога куда? Ясное дело — в баскетбол.

Дочь удалась в отца: такая же кареглазая, кучерявая, смуглая, такая же маленькая росточком, плосколицая и крутолюбая с вздернутым носом-пуговкой, но то, что украшало мужчину, увы, совершенно портило девушку. И умом Люба тоже была в папу, то есть учеба ей совершенно не давалась. Она, пожалуй, единственная девочка не только на школу, но и на весь город, которая оставалась раз за разом на второй год еще в начальных классах. У нее во втором классе нашли какие-то лямблии, долго лечили, но не долечили. Хитренькая Люба, которая уже в пятом классе была на четыре года старше сверстниц, нет-нет, а падала в обморок, мечтая лишь об одном: чтобы молодой классный руководитель подхватил ее на руки и понес в медпункт. Путь был довольно неблизким: сначала по рекреации, потом по длинному коридору, еще по одной рекреации, по лестничной площадке, сворачивал влево, потом еще влево, то есть тянулся метров на сто с лишним. Как же было сладостно лететь на любимых, да-да, вы не удивляйтесь, сильных руках, закрыв глаза. Вокруг испуганно раступались, спрашивали, мол, а что с ней, а учитель нес пятнадцатилетнюю пятиклассницу едва не бегом, даже не задумываясь, а сколько его подопечной лет. Ради этого она терпела анализы, уколы, постельный ре-

жим и горькие порочки от гельминтов, хотя, по правде говоря, их и не было. Но врачи находили по записям, мол, когда-то уже болела, тем более, не по годам худенькая и бледная, а потому прописывали лекарства на всякий случай.

Люба ужом увивалась вокруг классного руководителя, старалась ему во всем помогать. Она как никто умела договариваться по поводу дежурства в столовой, вовремя доставала пасту и тряпочки для генеральной уборки, умудрялась строго следить за дежурством в классе, умела наводить чистоту и порядок. Разумеется, классный руководитель назначил Любу старостой, чем навлек на себя неудовольствие актива класса. Соперники посчитали, что на такую должность нельзя назначать двоечницу и второгодницу, а потому очень быстро настроили против старосты весь класс. Она почти целый год этого не замечала, но первая любовь внезапно прошла, как какое-то наваждение. И не важно, сколько мук доставила она, но после стало еще хуже: Люба вдруг оказалась одинокой и в школе, и дома. Раньше мечта о классном руководителе переполняла сердце, и было кому служить, к чему стремиться, а теперь в душе и вокруг образовалась пустота. Она сидела на уроках, ничего не понимая. Вокруг бушевал другая стихия — еще детская, а Люба, которой уже исполнилось шестнадцать лет, вдруг разом почувствовала себя взрослой. Ей не нужна была школа.

Дома донимал младший брат. О, он это умел! Виктор всюду подсовывал ей зеркало и бесконечно повторял: «Только посмотри, какая же ты красавица!» Еще любил всклокотать свои (пусть короткие) волосы так, чтобы они торчали во все стороны, и ахать, округляя красивые искристые глаза от ужаса, вскрикивая: «Ну и Африка, что за Африка!»

Егор видел, как похожа на него кареглазка, а потому любил ее и... жалел. Так уж получилось, но для отца дочурка все время оставалась маленьким ребенком. И впрямь брат вскоре обогнал ее в росте, а затем и в учебе. Люба училась в пятом классе, а Виктор уже в шестом. К этому времени он был на целую голову выше сестры, занимался в секции баскетбола, подавал, по мнению тренера, большие надежды. Дома, разумеется, сын являлся гордостью родителей. Особенно им восторгалась мама, просто души не чаяла.

А Люба и в седьмом классе по-прежнему осталась малорослой, как и Пашка Воробьев по прозвищу Шибзик, который учился уже в одиннадцатом, то есть считал себя выпускником. Дело в том, что Люба раньше училась в том же «Г»-классе, в котором учился и Паша, сидела с ним за одной партой весь первый год учебы, даже однажды подралась, когда Воробей несправедливо обвинил ее в том, что это из-за нее, из-за ее дурацкой фамилии «Коротких» и он не растет.

— Сама коротышка! — наступал, сжимая острые кулачки, нахотленный Воробей. — И фамилия у тебя коротышкина...

Первоклашки обступили их, образуя тесный круг. Разгорячено галдели, сгорая от любопытства и нетерпения, неужели на самом деле подерутся?

— А ты — шибзик! — замахнулась тяжелым портфелем разгневанная Люба.

Однако ударить не успела, так как проворный Воробей увернулся и очень больно ткнул кулаком в глаз.

Драка на этом закончилась. Люба плакала, зажимая ладошками лицо, вокруг кричала, пытаясь объяснить учительнице, что же произошло.

ло: и жалели, и обвиняли. Виножник пытался убежать, но его догнали и привели на расправу. Он упрямо молчал, не желая извиняться. Досталось им обоим: Пашка Воробьев приобрел оскорбительную кликуху, а Люба Коротких почти две недели ходила с синяком под глазом. Сколько воды с тех пор утекло, а вот не забылось. Правда, Пашку Воробьева родители вскоре перевели в другую школу, но его били и там. За время учебы мальчишка проучился почти во всех школах города.

И что Шибзик рассматривал в ней, в маленькой и некрасивой девушке, которую и родной брат часто обзывал «манки», девушка не знала. Как говорится, просто не за что было ухватиться. Кучерявые волосы вечно сбиты в какой-то войлок, торчат во все стороны — впрямь как у обезьяны, — глаза опухли от слез, на лице вечная скорбь. Ноги кривые, грудь совсем не выросла... Что ни наденет — висит как на чучеле. Брат и это подметил, а потому часто напоминал про дачу, мол, там пора тебя выставить вместо чучела, а то воробьи все подсолнухи обклевали.

Пашкины глаза, видимо, смотрели на мир Божий по-особому, сквозь призму непостижимой сердечной тайны, а потому он нет-нет, а оказывался то в Любином дворе, а то и возле кабинета химии, в котором проходил очередной урок или очередное мероприятие у семиклассников.

Увы, Пашку задирали многие, даже семиклассники могли унижить, ведь добрая половина из них была куда крупнее его и драчливей. Солидность старшеклассника тут мало помогала, а его удивительное упрямство только раздражало. Как такого не излупить, тем более старшего. Шибзик он и есть Шибзик — худой, с цыплячьей шеей, с тонкими руками и впалой грудью.

На Восьмое марта семиклассники отморозили: добрая половина мальчигов, втайне вздыхавшая по самой милой и красивой девочке, приготовили, как просил классный руководитель, подарки своими руками и... вручили эти рукоделия всеми обожаемой синеглазой Анжелике. Возглавляющий культмассовый сектор Андрей взял фанерки и выжигатель, обещал сделать шесть разноцветных кошечек, но, увы, на поздравление не явился, а потому семерым девочкам подарков не хватило.

Хорошо, что в гости к химику буквально перед этим заглянул бывший ученик, которому выпало служить в морфлоте. Зная увлечение учителя морскими раковинами, привез в коробке всяких диковинок. Срочно пришлось их раздать. О ужас! Не хватило одного подарка — для Любы Коротких.

Анжелика, разглядывая выжженные и раскрашенные цветы, цветы, вырезанные из бумаги, цветы, сделанные из тряпочек и даже из склеенных семян, торжествующе переглянулась с подружками:

— А коротышка знаете, почему без подарка осталась? Потому что фейсом не вышла, старуха!

На Любу было страшно смотреть. Она, считая, что ребята специально так подстроили, чтобы не дать ей подарка, потемнела лицом, на глазах заблестели слезы. И сдался ей этот подарок! Что она, маленькая? — лезли в голову обидные мысли. Но в этот момент почему-то хотелось быть маленькой, хотелось обязательно получить безделушку, ведь это ее праздник. Она кусала губы, не зная, что же делать. Будь подростком, давно сорвалась бы с места и ушла всем назло, но она уже не была подростком, в ней проснулся другой человек, более серьезный и более ответственный. Люба как никто другой понимала мальчишек, ведь они дарили подарки

тем девочкам, которые им нравились, а кто подарит ей — дурнушке. Но не только за это ей было обидно — привыкла; она обижалась на равнодушные классного руководителя. Почти два года с половиной Люба его любила, просто обожала, как говорится, пела и плясала под его дуду, а он подошел, наклонился и прошептал, мол, ты уже взрослая, а потому поймешь, почему так получилось.

— Игорь Петрович, можно выйти, — привычно подняла руку добродушная толстуха, отличница Даша, кокетливо встряхивая пышной златокудрой прической и сдувая снизу вверх белесую челку. Она была довольна, ведь сидевший рядом с ней Тапочек, то есть Потапов Илья, подарил розового слона.

— Можно. Тебе все можно, наше солнышко, — хмуро кивнул учитель, кусая губу.

И впрямь — словно яркое солнышко в ярком желтом платье проплыло мимо него.

Получилось нехорошо, а потому, ругая себя на чем свет, ведь стоило собрать денег, купить всем одинаковые подарки и... не было бы никаких неприятностей, классный руководитель кинулся в сторону начальных классов, чтобы выпросить какую-нибудь поделку. И тут худенький незнакомый мальчик, стоявший у окна, будто прочитал его мысли. Он шагнул к учителю и, краснея, даже заикаясь, пробормотал, протягивая ярко-голубую коробочку с духами и букет, в котором краснели пять свежих тюльпанов:

— П..п..передайте, пппожалуйста, Любе Кккоротких... сам выразитил...

— Голубчик мой, как же ты вовремя-то! Выручил, просто спас! Она — твоя сестра? — буквально выхватил он просто бесценные дары из рук парнишки.

В это время предательски скрипнула дверь кабинета, и высунулись одна, вторая, третья любопытные головы мальчишек.

— Не-е, — выкрикнули из дверей, — она его невеста... хи-хи-хи!

И не подумал классный руководитель о том, чтобы позвать Любу, пусть юноша ее поздравит с приходом весны, пусть сам вручит подарки. Как не заметил и того, что парнишка одет в праздничный костюм, в белую рубашку и галстук, что у него над губой темнеет пушок.

Лишь прикрикнул на любопытствующих и хихикающих подопечных и сунул коробочку с духами в боковой карман пиджака.

— Гуньков, Потапов, а ну брысь!

С теплой торжествующей улыбкой, пряча цветы за спиной, вошел в кабинет, не удержавшись, подмигнул смотревшему на него вопросительно с портрета Дмитрию Ивановичу Менделееву, мол, все в элементе.

— А для Любочки Коротких у меня припасен особый подарок, — он высоко поднял руку, в которой полыхали красным пламенем тюльпаны, и пошел по ряду. — Живые цветы, что может быть лучше! Но и это еще не все. Держи французские духи.

Люба ужасно покраснела, растерялась, не понимая, почему ей вдруг такая особая почесть.

А сбоку уже ехидничали:

— Коротышка, Коротышка, за это ты должна поцеловать классного в ответ, давай, по-це-луй!

— Хватит! — оборвал учитель, хотя в душе был очень благодарен, а потому сиял глазами.

— Должна же она вас отблагодарить.

— Повторяю, хватит завидовать.

— Ха, было бы кому!..

Спасибо Славику Гунькову, что неожиданно прервал неприятный разговор.

Он, перемигнувшись с Потаповым, замахал рукой.

— Игорь Петрович, можно выйти... можно, а... срочно... ну, Игорь Петрович...

Тот пожал плечами, конечно же, можно.

Следом за Славиком выскочил еще один драчун, и с криком «Бей Шибзика!» задиры накинудись на Пашку.

И не узнал бы при всеобщем ребячьем шуме улыбающийся, довольный собой химик, занятый разрезанием торта, про вспыхнувшую драку в рекреации, но в кабинет вбежала испуганная толстуха Даша.

— Там наших бьют! — вытаращилась она на классного руководителя. — Игорь Петрович, они дерутся.

Только драки не хватало. Ведь директор на последнем педсовете запретил проводить «огоньки» в кабинетах, мол, школьных мероприятий предостаточно. Если про это узнает администрация, то он пропал.

— Гуньков! Потапов! Что вы бьете шестиклассника? — добежав до рекреации, классный руководитель оттолкнул одного парнишку и оттащил за шиворот другого.

Разумеется, незнамого гостя смяли и даже здорово попинали ногами. Ему с мясом отодрали две пуговицы на костюме и разбили в кровь лицо.

— Это он на нас накинудись, думал, если в одиннадцатом классе, то ему можно ко всем лезть! — заорал долговязый Слава Гуньков и попытался еще раз достать ногой без вины виноватого.

Плотный крепыш Потапов даже всхлипнул, притворяясь обиженным.

— Он на голову торкнутый, ко всем, скотина, пристаёт.

Весом Пашка Воробьев был легче перышка, а потому классный руководитель легко поднял его одной рукой и поставил на ноги.

— А ну марш в класс! — рявкнул на драчунов и остальных зевак, высыпающих в рекреацию. — Кому сказал, марш! А то вы у меня получите «огонек».

Если бы не одно «но», то классный руководитель схватил бы избитого за шиворот, встряхнул и ледяным голосом спросил: «Ты почему моих семиклашек обижаешь?» И был бы прав. Но он мигом сообразил, зачем одиннадцатиклассник пришел к ровеснице, для чего принес ей тюльпаны, чем буквально спас его, классного руководителя, от позора. Недаром подопечные тогда крикнули «Она его невеста», ведь Люба уже, как ни крути, а взрослая семнадцатилетняя девушка.

Он дождался, когда закроется дверь, а затем недоверчиво спросил:

— Ты впрямь учишься в выпускном классе?

стирая кровь от разбитых губ, Пашка кивнул головой.

— А из какой школы?

— Из фтовой, кхе-кхе... ваньше вут учився...

«Не убежал, не испугался, не стал оправдываться, не стал ни в чем обвинять забияк... — пронеслось в голове у классного руководителя. — И есть-то шибзик, но мужиком растёт, с характером».

— Не понимают они еще ничего, героев из себя строят, — сказал сочувствующе. — Лучше иди от греха подальше, подарки я передал, поздравил, а встретитесь в другой раз.

— Кхе-кхе, пасибо...

Пашка и впрямь заковылял, чуть прихрамывая к лестнице.

— Же-ни-их... — покачал головой учитель, — надо же...

На областных соревнованиях Витька упал и сильно ушиб голову. Мать тут же этим воспользовалась: она через свою тетку, которая работала в медсанчасти старшей медсестрой, сумела зафиксировать сотрясение мозга и искривление позвоночника, то есть получила на руки справки, которые освобождали сына от службы в армии.

Если маленькая Люба соответствовала фамилии Коротких, то ее брат, вытянувшийся в два метра и три сантиметра, вызывал удивление. К нему прилепилось прозвище Корот, не крот, не коротыш, а именно корот, то есть короткий на расправу.

Частенько на играх Витьку коротило, особенно в те моменты, когда его толкали. Кровь бросалась в голову, в кулаки — взмах, короткий тычок в ответ. На областных соревнованиях за то, что он разбил сопернику нос, его дисквалифицировали с красной карточкой. Без основного нападающего команда проиграла, а потому тренер натравил на него ребят. Разумеется, кончилось дракой, то есть Витьку выгнали из баскетбола, хотя потом он всем рассказывал, мол, ушел сам из-за «паршивого» тренера.

С математикой и физикой не стало ладиться из-за «паршивого» учителя; с литературой — потому, что все писатели — недоумки.

Разумеется, назвал учителям Витька совсем перестал ходить на баскетбол, отказывался играть даже за команду класса, мол, хватит, наигрался на свой век. Нет, он не бросил спорт, наоборот, усиленно посещал качалку, а еще секцию рукопашного боя.

Девчонки были от него просто без ума. Они визжали от восторга, когда в рекреации, а то и в классе, он время от времени очень красиво наказывал очередную жертву. Витька бил всякий раз по-новому: то отвешивал злобный пендаль, то ласково разговаривая, неожиданно ударял ногой в ухо, то тыкал локтем под дых, то засвечивал фонарь, чтобы виноватый, глядя в зеркало, помнил, что гадить нехорошо. Он разработал для себя и для своего окружения определенные, довольно странные правила. Запрещалось вставать, когда в класс входит учитель, запрещалось стирать с доски, запрещалось собирать макулатуру, запрещалось дарить учителям цветы, много чего еще запрещалось.

Нарушил эти правила — будешь бит.

Увы, привычка — вторая натура, а потому одноклассники послушно бежали в учительскую за журналом, шли в столовую, собирали деньги на подарок. Но за этим неотвратимо следовала расправа. Среди мальчишек ее учинял Витька, а среди девчонок — дзюдоистка Алина, по прозвищу герцогиня Алба, так ее фамилия была Баева. Приземистый, почти квадратный слиток жаждал крови. А как не жаждать, если практически все девчонки класса сохли по высоченному красавцу. Они сохли, а она их месила от души, то есть убеждала, что лучше сдохнуть, чем по Витьке «сохнуть».

В десятом классе Алина внезапно исчезла, недоучившись буквально полмесяца. Поговаривали, что она родила двух девочек. Витька царствовал, а вот жениться по «царской» крови на всяких там герцогинях не спешил. Его влекла златокудрая Анжела из класса, в котором училась сестра. Как поется в песне, «для него была милее всех она».

Славик Гуньков попытался подговорить ребят, чтобы проучить долговязого Корта, но за это только лишился двух передних зубов.

Задружили Паша и Люба в мае на пляже. Тогда был долгожданный выходной день, такой жаркий, что Егор вместо того, чтобы поехать на дачу, предложил семье махнуть на «Ниве» на Белую горку к Лесному озеру. Туда же только несколькими часами раньше на велосипеде с тремя самодельными удочками приехал заядлый рыбак Пашка Воробьев. У него был облюбованный уголок среди камышей под развесистой ивой, в тихом, удаленном от пляжа месте, метрах в двадцати от родника. Парень любил одиночество, ведь в такие мгновения можно беспрепятственно мечтать о самом заветном. Разумеется, он хотел стать высоким, сильным и ни от кого не зависеть, а еще он мечтал увидеть Любу. Художник Леонадро да Винчи когда-то говорил, что на небе, в облаках, всегда можно увидеть воображаемый образ. В том месте, где застыл красный поплавок от средней удочки, отражалось бело-розовое облако, накрытое сбоку пышной желтоватой шапкой кроны от нависающей ивы, тут же между округлыми листьями желтел яркий цветок кувшинки. И даже в этом облаке мечтателю виделось живое личико любимого человека. Сам того не замечая, Павел заговорил вслух, убеждая самого себя в нереальном:

— А что, и причес похож, и округлый воротник платья с янтарной брошью-лилией... Опочки!.. ха... губы зашевелились, будто заговорила...

Пашка даже не понял сначала, так разыгралось его воображение, что это красный поплавок стал вздрагивать от поклевки, а звонкий и веселый голос раздался с бугра, с которого вниз к озеру едва не бегом спускались брат с сестрой, соревнуясь, кто скорее.

Сердце у парня замерло, потом затрепетало. Он вздрогнул, образ мгновенно исчез, остался лишь камыш вокруг, четыре пляшущих стрекозы с голубыми крылышками, на мгновение ушедший под воду поплавок — да мысль: ведь клюет, надо тащить...

Однако не исчез голос, он был и далеко, и совсем близко, это, несомненно, был ее голос, голос Любы.

Забыв про удочки, да и про все на свете, Пашка, крадучись, вылез из своей засады и, напряженно вглядываясь сквозь кусты и сереющие стволы ольхи, поспешил к пляжу.

Пляжем называлась довольно широкая, сужающаяся полумесяцем песчаная коса, уходившая к обрыву. Песок у родника плавно уходил под воду, но чем ближе к глинистому обрыву, тем уклон становился круче, а потому здесь был сооружен мостик для желающих нырнуть в воду с полтораметровой высоты. Сейчас пляж, закрытый сверху другим, более низким пригорком, на котором росли раскидистые дубы и березы, был залит утренним солнцем, а потому вода резко делилась на светлую, сияющую в ярких лучах, и совершенно черную, закрываемую пригорком и деревьями.

Брат полез на мостик: загорелось показать свою удаль — он решил открыть купальный сезон ныряньем с высоты.

Вода еще не совсем прогрелась, а потому сестра, опробовав ее ногой, пошла к другому краю пляжа, к отмели.

Паша едва не бегом спустился вниз, к роднику, а потом по извилистой тропке взбежал вверх, словно бы вынырнул из курчавых лозиновых кустов.

Глядя прямо на него, навстречу шла в красном купальнике Люба. Ее пышная курчавая шевелюра так и светилась в солнечном свете, карие глаза были полуприкрыты, а руки словно обнимали небо. Ахнувшему парню показалась, что она не идет, а парит по белому песку.

Он попытался присесть, спрятаться за куст, но было поздно, а Люба

остановилась, удивленно распахнула заискрившиеся глаза, затем смущенно их потушила. Тогда, на мартовском «огоньке», она краем уха услышала, о чем перешептываются семиклассницы, как, фыркая в кулаки, перемигиваются и поглядывают на нее, вспоминая про Шибзика, шепчутся о том, что будто бы тот в нее влюблен, будто бы это он тогда передал в руки химика и классного руководителя духи и тюльпаны.

Девчонка кивнула парнишке, а затем повернулась к воде и осторожно, чуть вздрагивая, пошла в глубь озера.

Он хотел поздороваться, хотел сказать, что уже с зари тут рыбачит, что у него в садке около десятка окуней, три леща и даже два линя. Ему тоже захотелось разбежаться и лихо нырнуть в воду, но он не взял плавок, а дефелировать в трусах перед девушкой было как-то неудобно. Вот Люба кокетливо оглянулась, как ему показалось, даже мило улыбнулась, а он все так же остолбенело стоял, не в силах пошевелиться, не понимая, что за сила сковала его по рукам и ногам.

«Ба-бах!» — вдруг плюхнуло в озеро невиданное чудовище. Это брат Любы, Витька, разбежавшись, прыгнул солдатиком в воду, подняв фонтан брызг. Пашка словно очнулся, хотел поздороваться, но сердце предательски убежало в пятки. Он опустил глаза, страстно желая опять посмотреть на Любу в красном купальнике, ему ужасно хотелось тоже браво взлететь на мостик, лихо разбежаться и ласточкой прыгнуть вниз. Да он бы и с бугра прыгнул, не забоялся... но непонятная сила по-прежнему держала его на месте.

Вода еще не разогрелась, а потому худенькая Люба никак не решалась окунуться и поплыть.

А в это время сверху, из облаков, раздался сердитый басистый голос. Как тут не рассердиться Егору. Разожгли костер, сунулись в багажник, а контейнера с мясом нет.

— Витька, — рявкнул отец, — а где шашлык? Ты же утверждал, что положил!

А у того от холода так и сдавило грудь, он хотел сказать про шашлык сестре, но забыл...

— Я Любке говорил, — Витька выплыл на берег и стал привычно оправдываться, прыгая на одной ножке, чтобы вытряхнуть воду из левого уха. — Это она, дура, не взяла.

Сестра возмущенно замахала руками, мол, она тут не причем.

— Ты ничего не говорил, не ври! — звонко крикнула Люба.

— Говорил, говорил, — настаивал брат.

Так и получилось, мать, разумеется, посчитала виноватой дочь, которая глупа и вечно все забывает.

Сердитый Егор возвращаться в город из-за какого-то мяса был не намерен.

— Как хотите, хоть лапу сосите, раз такие ротозеи!

— А может, рыбы наловите? — намекнула миролюбиво мать на удочку, которую Егор взял скорее для сына, так как не любил рыбалки, считал ее уделом бездельников. — Сорви чабреца или душицы для чая, а я сейчас котелок с водой поставлю.

Было во взгляде худенького паренька что-то такое нежное. На Любу никто и никогда так не смотрел, даже отец. Отец глядел, жалея, а тут ею любовались. Острым женским чутьем она уловила, поняла, что ею восхищаются, а потому холодная вода в единый миг стала не холодной, наоборот,



горячей. Она смело нырнула в глубину и решительно поплыла вперед. Плавала Люба плохо, но сейчас ей показалось, что она рук и ног под собой не чувствует, плывет с какой-то невиданной скоростью. Она была счастлива как никогда. Какое ей дело до мяса, которое забыл брат. Пусть валит на нее, не привыкать, но ведь она не виновата. Сейчас ее будут ругать, попрекать за то, что она не делала, обозленный брат опять начнет травить. Ну и что?! Зато у нее есть заветная тайна: они не знают, что теперь рядом с ней есть человек, который ею любит, восхищается, видит, что она — лучше всех...

Люба оглянулась — Пашки на берегу не было. Он уже бежал через колодец к своему заветному месту, туда, где в воде был затоплен его металлический садок с уловом.

И сразу Любе стало холодно, ее худенькое тело мигом продрогло. Она поспешно поплыла к берегу. Только вылезла, встала, согреваясь, а тут опять перед нею вырос он... ОН... в застиранной зеленой футболке, в коричневых шортах. Счастливая девушка не замечала его худобы, его длинного острого носа с горбинкой, оттопыренных ушей и некрасивой шеи.

— Вот, — протянул Пашка серебрищийся садок, в котором шевелилась живая рыба. — Бери, вам тут на уху хватит.

Увидев богатый улов, Егор удивился, а мать обрадовалась.

— Это нас Пашка Воробьев угостил, — покраснела смущенно Люба, хотя говорила не скрывая гордости. — Он тут с утра рыбачит.

Егор, разом сообразив, подмигнул. Он же видел сверху парнишку рядом с дочерью.

— Ухажер, что ли, Люб, а?

— Да, это мой парень, — еще сильнее покраснев, с гордостью сказала Люба, радуясь, что теперь она в единый миг из дурнушки и глупышки становится обычной девушкой, такой же, как все.

Отец, смеясь глазами, надул щеки и возвел глаза к небу, мол, не рановато ли о женихах-то думать, ведь пока еще в седьмом классе. Но вспомнив про то, как недавно отмечали семнадцатилетие Любы, добродушно разрешил:

— Ну что же, раз так, то приглашай рыбака на уху.

Обрадованная девчонка замахала руками и стала звать Пашку.

Тот свистнул в ответ, раздумывая, вытаскивать ли наверх велосипед.

И так хорошо все складывалось, но брат разом все испортил: сначала Витька начал истошно смеяться, потом даже упал на траву и стал кататься, хохоча и хватаясь за живот, словно его щекотали в десять пальцев.

— Ха-ха-ха, умора... же-ни-их, — глаза Витька аж слезами наполнились. — Шибзик — жених!.. Да если бы вы увидели этого коротышку, вы сразу радоваться перестали бы. Это же самый позорный пацан в нашем городе... полный отстой... же-ни-их...

— Заткнись! — отчаянно крикнула сестра.

Брат презрительно фыркнул и отвернулся.

— Сейчас сами увидите, — пожал плечами и злорадно добавил, издеваясь над сестрой: — Хотя, ха... какая невеста, такой и жених. Уроды!

Когда Егор услышал, кто ухаживает за его дочерью, то просто взвился до небес, так заело его самолюбие. Он не раз слышал от сына про некоего доходягу парнишку, которого лупят все, кому не лень. Конечно, его дочь не красавица, но затюканный шибзик ей не пара. Нужен заступник, умеющий не только постоять за себя, но и за дочурку. И чтобы был не метр с кепкой, а посолидней, эдакий крепышок среднего роста.

А тут еще и Нина подлила масла в огонь, она фыркнула, поглядела на дочь осуждающе, покачала головой и твердо проговорила:

— Нет, нам такие женихи не нужны!

Пашка не стал брать велосипед и удочки, он резво взбежал наверх и остановился, улыбаясь, тяжело дыша. Легкий ветерок веял как раз в его сторону. От костра тянуло не только горячей древесиной — аппетитно пахло разваристой ушицей, и так хотелось есть. Вот только Люба, отвернувшись, почему-то плакала, а с трех сторон на него пристально глядели отчужденные глаза. То, что его не приняли, он понял сразу. Еще бы. Особенно жалко гость смотрелся в сравнении с Витькой. Тот высокий, красивый, да еще при этом плечистый, с выпирающей грудью, ведь недаром же он уже четыре года ходил в спортивную секцию, да еще в качалку.

Мать, закатив глаза и презрительно поджав губы, отвернулась, отец же, сравнивая Любкиного ухажера с сыном, просто ужасался: «Да его мой Витька с одного удара убьет. Господи, и взаправду шибзик!»

— Извините, — только и пробормотал Пашка, воробьем сорвался с места, ринувшись вниз.

От озера шла другая, очень неудобная дорожка — низом, через кусты и песчаные взгорки, но юный рыбак не стал подниматься вверх, на более накатанную тропу, которая выводила на асфальтовую дорогу, он решительно потащил велосипед по кустам и песку — в обход.

Плохо, когда осень начинается уже в мае, плохо, потому что в эту пору не цветы высыхают, а сердца. Егор тогда, на том злополучном берегу у Лесного озера, не пожалел ни слов, ни красок для милой Любушки, предрекая ей не просто несчастное, а позорящее весь род их, Коротких, будущее. Он рубил воздух рукой и старался быть убедительным: «Что за мужик такой, которого даже голуби клюют? А какие дети, посуди сама, будут от этого карлика? Нет, ты, Любаш, как любая девушка, должна себя ценить, пока молода, а нам такие шибзики не нужны, точка! Увижу — ноги поотрываю и тебе, и твоему хахалю, мать вашу, ты меня знаешь!..»

Люба, заплакав еще сильнее, зажала руками лицо, потом решительно встала и пошла в сторону леса. Отец, догнав ее, опять принялся утешать и доказывать свою правоту.

— Ну вот скажи, скажи мне, что твой Пашка умеет?

Люба не отвечала, лишь громко всхлипывала и вздрагивала худыми смуглыми плечами.

— А я уверен — ни-че-го! Вон твой брат — уже первый разряд по баскетболу получил, с командой на областные соревнования ездит...

Помолчав, махнул рукой, мол, что тут попусту турысы разводить.

— А-а, кому я говорю, упрямой дурехе. Ничего ты, Любка, пока еще не понимаешь! Ни-че-го! Слышала, что мать сказала, так вот, и я тебе твердо говорю — не нужен!

А Люба как чувствовала, что она теперь долго не увидится со странным парнишкой, единственным, который на нее смотрел с любовью, а потому замкнулась в себе, не прикоснулась к еде, не стала больше купаться в озере, так и пролежала в палатке вплоть до отъезда. Она не реагировала на насмешки брата, а на следующий день не пошла в школу.

А Пашка пропал. Парню уже исполнилось восемнадцать лет, а потому его сразу же после школьных экзаменов забрали с летним призывом в армию. Попал он в стройбат, где год с лишним плотничал, выкладывал кирпичом подвалы, казармы, крыл шифером гаражи. Приходилось штукатурить и бетонировать, клеить обои и вешать двери. И вот тут-то вдруг проявились в этом неказистом солдатике просто удивительные способности схватывать все на лету, словно до этого его держали под спудом, а затем освободили — и он, как говорится, дорвался до работы.

Однажды Пашу как человека, который хорошо умеет читать чертежи, направили на секретный объект, на котором нужно было огнеупорным кирпичом обложить круглые, очень высокие колодцы. Что это был за объект, не сказали, но по возвращению всю бригаду поместили в медсанбат, где почти две недели обследовали на различных приборах и заставляли пить кисленькие капсулки желтого цвета. А после этого ребят наградили медалью «За воинскую доблесть».

Через некоторое время у всей бригады стали вдруг просто клоками вылезать волосы. Не минула чаша сия и Пашку, а потому на похороны своей бабушки он вернулся совершенно лысым. Цвел май, то есть ровно год минул с той удивительной встречи у озера, но этот год совершенно поменял парня. Во-первых, он раздался в плечах, а, во-вторых, будто постарел сразу на десять лет. Даже родные попросту не узнавали бывшего Шибзика.

Отпустили его всего на три дня. Бабушка оставила единственному внуку старенький дом на станции Колодезной, а потому время ушло на оформление всяких документов.

В середине октября Пашку демобилизовали в звании младшего сержанта. На груди, кроме медали, висел знак отличия, выданный за доблесть и усердие в военной службе. Вернувшись, он сразу же отучился на права, взял кредит, купил себе старенькие «жигули» и стал подрабатывать в таксопарке. На накопленные деньги приобрел и прицеп, чтобы возить различные грузы.

К этому времени Люба как раз заканчивала девять классов. Разумеется, ей поставили тройки и выдали аттестат. Девушке исполнилось двадцать лет. Отец похлопотал, и ее взяли уборщицей в детский сад, расположенный прямо напротив дома...

Про них так и говорили — самая красивая пара в школе. Для Анжелы Витька не жалел ничего, но она жаждала большего. Это из-за Анжелы он преследовал и бесконечно третировал родную сестру, из-за нее же, подобрав ключи, влез в кабинет химии и учинил там погром, надев большой портрет автора периодического закона на брызнувший осколками аппарат Кипа. Так синеокая красавица мстила учителю за тройку, которую ей поставили за полугодие.

Анжела через свою подружку точно знала, что видеокамеры в школе в связи с предстоящими экзаменами временно отключены, что их должен подключить специалист, который приедет только на следующей неделе из Воронежа. Однако произошли изменения, и экзамен по химии перенесли на неделю раньше, а потому, приехав поздно вечером, программист в спокойной обстановке, когда никто не мешает, установил видеокамеры в тех кабинетах, в которых учащиеся будут сдавать единые госэкзамены. И произошло это за день до погрома.

Дорого обошелся ухажеру Анжелкин каприз, про который герой,

разумеется, умолчал, а всю вину взял на себя. Егору пришлось продать не только «Ниву», но еще и гараж, чтобы на сына-выпускника не завели уголовное дело. Про институт тоже пришлось забыть.

Роли поменялись. Как ни крути, красавица чувствовала себя виноватой, а потому согласилась пойти к Витьке в гости. Триста сорок тысяч, а именно такую сумму пришлось выплатить его родителям, на дороге не валяются.

Денег у Витьки не было, потому он решил встретиться с братьями Орловыми: попросить в долг. Те, разумеется, тут же пригласили Корота «пройтица, там, где мельница вертица». Часов до одиннадцати проиграли в «дурачка», а затем пошли к пивному ларьку.

— Туда частенько Боря Чурок заглядывает, а у него денежки имеются. Вроде не родной, а родители все равно балуют. Оба работают, получают прилично, своих детей нет, ну и жалеют дурака. Тряхнем?

Августовская ночь была достаточно темной, но на улице Первомайской там и сям горели яркие фонари. Два таких фонаря освещали площадку перед ларьком, на которой стояли столики.

Крупный, очень оживленный Боря, одетый в клетчатую рубашку, что-то рассматривая в мобильный телефон, подошел к ларьку.

— Привет, Ленок! — бросил на тарелочку две пятисотки. — Дай пять, не, шесть бутылок охлажденного «Чешского бархатного», большого вяленого леща, ну и шоколадку «Аленку».

— Самое дорогое берешь, — кокетливо улыбнулась молодая продавщица, подавая пакет. — С кем же пить собираешься, Борь?

— А что тут пить-то, хотя могу тебя пригласить... На вот, держи, Ленок, «Аленку», га-га-га! Смешно, правда?

Натянув на лица темные маски, трое встретили жертву между домами. Дорога тут шла в гору и была не освещена.

Один из Орловых шагнул с правой стороны и выхватил бряцнувший стеклом пакет с пивом, Витя с другой стороны молча лягнул Бориса ногой в ухо, другой брат прыгнул сзади и зажал ему рот.

— Пикнешь — прищучу, падла!

Испуганный толстяк затрясся и дрожащим голосом проговорил:

— Все отдам, только не бейте.

Забрали не только кошелек, еще смартфон и часы. Один из братьев Орловых решил толкнуть ходовые вещички в селе у бабушки. Посидели на пустой детской площадке, попивая вкусное пиво, пересчитали деньги. Щедро отстегнули мальцу пару тыщенок.

Витька был доволен — он честно заработал, теперь есть на что накрыть «поляну» для златокудрой фурии.

В начале сентября, который был теплым и урожайным, после работы у ворот сада Любу встретил с большим букетом красных роз солидный лысый мужчина в черном костюме. Люба, которая поставила крест на своей личной жизни, так и охнула: на нее глядели все те же любящие, восхищенные глаза, серые и такие ласковые, немного вопросительные, в которых можно и утонуть, и раствориться, и найти много чего удивительного. Да, Паша стал совершенно другим за два с половиной года: стал усатым, лысым, крепко сбитым, даже подростком, но вот глаза остались прежними.

Люба не заплакала, слезы уже были выплаканы, а сердце давно высохло, нет, она просто поняла, что впрямь была глупой до сих пор, зря не

верила в свое счастье. Она все это время думала, что Пашка обиделся, что ушел и никогда теперь не вернется. У Любы даже загорелись щеки, в этот момент она стала очень хорошенькой и милой — пришла пора из гадкого утенка превращаться в белую лебедушку. Паша как никто ее понимал, ведь сам был долгие годы тем же утенком, загнанным в угол и заклеванным.

— Садись в машину, — сказал он ласково, но басом, — поговорим.

Она, не владея собой, вцепилась в него, стала целовать как самого дорогого человека, которого столько ждала и... наконец-то дождалась.

Когда родителей не было дома, Люба собрала свои скромные пожитки и перебралась к жениху на станцию Колодезную, в бывший бабушкин дом.

Свадьбу играть не стали, хотя деньги были, просто расписались втихую.

Мать и брат, разумеется, оскорбились, а отец был крайне озадачен. Одно его утешало: в частном доме жизнь далеко не сахар, там надо топить печь, таскать из соседней колонки воду, подметать двор, полоть огород и при этом каждый день ездить в город на работу.

«Какая же Любка глупая! — думал он, дымя папироской. — Променять город на село. Тут ведь и детсад был под боком. Ничего, дурь быстро выветрится, когда увидит, что такое сельская жизнь».

Весну зиму они даже не ездили друг к другу. Любаша рассчиталась из детсада и по телефону не звонила. Время шло, первым не выдержал Егор. В самом деле, как там поживает дочь? В один из теплых и сухих апрельских выходных купил колбасы, бананов, красной рыбы, прихватил для порядку бутылку водки.

Пашку, бывшего худенького шибзика, он попросту не признал. Во дворе, где там и сям зеленела трава и цвели одуванчики, за широким верстаком строгал доски лысый, плотно сбитый усатый мужичок. Тут же стоял прицеп, полный этих самых досок. В открытом гараже синели «жигули».

— Место! — крикнул незнакомец басом.

Гремя цепью, мохнатый черный кобель послушно улез назад в зеленую будку.

— Здравствуй, отец, — отряхивая золотистую стружку с фартука, пошел к калитке степенный мужичок. — Рад, что приехал.

Егор не верил своим глазам. Перед ним, несомненно, стоял прежний Любин «женишок», которого они подняли на смех почти три года назад. Но как изменился, окреп, да и ростом, пожалуй, ему, Егору, не уступает. Как же зовут бывшего шибзика? Ах, да, вспомнил — Пашка.

— А где Любашка? — спросил несколько растерянно.

— Пока на работе, а уже скоро ей в декрет.

Егор прошел до свежеекрашенной в яркий синий цвет скамьи, присел и закурил. Спросил:

— А сам-то работаешь?

— Конечно. Возглавляю строительную бригаду. Раньше клали гаражи для грузовых машин на маслозаводе, а сейчас нас перекинули на ремонт свеклоприемника... Идемте в дом. Я сейчас позвоню Любе, она обязательно отпросится.

Егор никак не мог прийти в себя. В детские годы, когда его сестра вышла замуж и уехала в далекий Казахстан, он тоже думал, что там жи-

вут отстало. Отец гнагал самогону и повез его в резиновой грелке, желая угостить и повеселить народ. Но оказалось, что там живут вполне культурные и чистоплотные люди. Самогонку они не гнали и не пили, при каждом доме была баня. Горячая вода подавалась от общей котельной. В каждом доме было колхозное отопление. Подворья утопали в цветах, в комнатах — удивительная чистота...

— В сельском доме — так же, как в городской квартире, — степенно рассказывал зять. — Я купил новый котел, поменял отопление. В этом вопросе мне друг помог, с которым мы вместе в стройбате служили. Теперь на кухне, в туалете, в ванной у нас горячая и холодная вода. Разумеется, бригадой выкопали глубокую канализационную яму, выложили кирпичом. А в будущем обязательно срублю во дворе баньку. Я уже любобвал место. Любаша корову мечтает завести, у нас же за огородом большой выгон. Пока козу держим, двадцать пять курочек и подсвинка. Зерно закупил, на дробилке в комбикорм перерушил. Кстати, а вот и Любаша пришла.

За восемь месяцев, пока не виделись, дочь заметно изменилась. Куда только исчезли ее затравленный вид и вечная беспомощность. Люба коротко постриглась и сильно поправилась, округлилась не только лицом, но и телом, а особенно сильно округлился живот. Во всем чувствовалась степенность и женственность, которой раньше отец за дочерью не замечал.

Люба не торопилась, она постояла у калитки, зачем-то поправляя щеколду, потом прошла к собачьей будке, там поправила цепь, хотя кровь так и стучала у нее в висках. Взяла черепушку и прошла к сараюшке, где стоял закром с зерном, желая посыпать цыпочкам пшенички. Надо было успокоиться.

«Вспокоился... через год... папаша родненький... приехал посмотреть... есть ли теперь над чем им языки почесать, потешиться, посмеяться вволю...»

Хотелось зайти и сказать, мол, делать нечего, сколько не знались, столько бы и еще не виделись. Даже всхлипнула от нахлынувшей обиды. Но с этим и перегорела, а увидев в гнезде восемь коричневых яиц, окончательно успокоилась. В конце концов, она тут теперь хозяйка, как скажет, так и будет.

Зашла в курятник как раз в тот момент, когда петуху вдруг приспичило вспрыгнуть на насест и закричать во все горло свое кукареку. Прокричал и тут же слетел с насеста, поспешив к зерну.

Обошла двор и вернулась серьезная, неприступная. Егор это разом почувствовал, а потому потянулся к пакету, желая достать бутылку.

— Никакой водки! — резко заявила Люба, даже не поздоровавшись.

— Здравствуй, дочка, так встречаешь отца родного, — вставая, обиженно произнес Егор. Затем спохватился, ведь Любаша на сносях, он скоро станет дедом. Потому разом поубавил свой гонор.

— Как провозжали, так и встречаю, — ответила, хмыкнув, Люба и прошла в спальню, чтобы переодеться.

Пашка не спешил встречать в их беседу, пусть поговорят. Он словно знал слабость тестя, а потому быстро порезал сало, достал из духовки еще теплую картошку, блюдо с дюжиной свежих яиц, литровую кружку холодного козьего молока, помидоры, яблоки и виноград.

— Садись отец, все свое, — широко показал на место под божницей.

— Дорогой шла, а «Нивы» твоей не видела, неужели поломалась? — спросила у отца Люба.

Она уже слышала от одноклассниц про Виткины фокусы-филиппокусы, после которых исчезают и «Нивы», и квартиры.

— Ага, поломалась, — почему-то не стал рассказывать правду отец. — Пришлось на маршрутке добираться.

Возвращаясь обратно, Егор вез назад свои дары. Зять ушел строгать доски, а Люба по-прежнему осталась холодной и недоступной. Разговор не клеился.

— Нам ничего не надо! — сказала строго. — Спасибо, что навестил, па-по-чка!

Весь обратный путь Егор не знал, радоваться ему или печалиться.

— Подарки передали! — сказал, протягивая пакет жене. — Забираю бутылку, остальное — вам...

Шло время. Классного руководителя Любы крепко выпивший Егор однажды увидел на рынке. Химик приценивался к речной рыбе, не зная, что же предпочесть: судаков или жирный кусок толстолобика. И вспомнилась родителю Белая гора у Лесного озера, костер, злополучная уха, его дурацкие морали...

— Здравствуй... — он поглядел тяжелым взглядом и, вздохнув, добавил: — Здравствуйте, я отец Любы Коротких, еще не забыли такую?

Любу Коротких классный руководитель хорошо помнил, еще бы — девочка была на четыре года старше своих сверстников, а потому сильно от них отличалась. Правда, болела часто, а потому приходилось вызывать родителей. Приходил обычно отец.

— Егор Степанович, здравствуйте, — улыбнулся натянуто химик, ожидая неприятного разговора, с пьяным родителем. — Простите, но вашу дочь я уже долгое время не встречал, вот, кстати, хотел у вас спросить, может быть, уехала куда? С ней все хорошо, надеюсь?

Говорил скорее для порядка, так как не верил, что у больной и некрасивой девушки может сложиться нормальная жизнь.

— Давай по кружке пива, — вцепился в него крепкой рукой родитель. — Посидим не спеша, все расскажу... как вас... забыл, простите...

— Игорь Петрович...

— Эх, Игорь Петрович... баран я!.. баран... и больше никто... Пошли по пивку... посидим, покалякаем.

У химика было жесткое правило: никогда ничего от родителей не брать, тем более — никогда с ними не выпивать. А потому он показал на стоящую у аптеки скамью, на которой сидела маленькая девочка и крошила голубям булку.

— Посидим здесь. Я не люблю ничего спиртного, тем более пиво.

— Здесь так здесь, — повернулся и зашагал к скамье Егор, размахивая руками. — Кыш, кшы отсюда! И ты кыш! — крикнул он на девочку.

Игорь Петрович удивился: оказывается, у Любы все хорошо.

— И не просто хорошо, — рубил воздух грязной ладонью родитель. — А так, как надо! Повезло моей дочушеньке... как у Христа за пазухой живет за Пашкой своим... Не мужик, а золото. Да, зо-ло-то. Не пьет, не курит, и что самое главное — домашний... хозяйственный.

Голубиная стая, увидев, как размахивает Егор руками, опять слетелась и загуртовала, бегая вокруг скамейки, думая, что тот собирает их кормить.

— Мы вот тут сидим с тобой, то есть с вами, распистониваем про то, про се, а вот зять мой на разговоры не особо горазд, зато на дела по дому — мастеровитый. Они же теперича в Колодезной живут...

«Вон оно что, замуж вышла...» — порадовался в душе химик, он всегда радовался, когда узнавал, что у его бывших учеников жизнь сложилась.

— У них там — как в городской квартире... вода горячая, холодная, ванная, туалет, канализация, отопление... Мастеровой мужик, рукодельник. Баню сам срубил, курятник с постоянным освещением, с тройным насестом, овин, катух для коровы, крольчатник... С работы как вернется, так по дому и хлопочет. И в выходные хозяйством занимается. «Ниву» новую недавно приобрели, а ведь... вы не поверите... а-а-а, я и сам просто не верю... но ведь у Любаши четверо ребятшек, а внучка-то Егором назвали. И за что мне честь такая?

Химик встал, ему давно пора, ведь дома ждут. Он же обещал мигом вернуться с рыбой.

— Вы же моего сына знаете? — почему-то выпятив губу, ошетирился Егор.

— Наслышан о его спортивных успехах еще по школе. Видел на соревнованиях. Статный парень, просто на зависть видный. Где же он теперь, институт физкультуры окончил?

— Ага, окончил... пять лет в Боброве за разбой отсидел, а теперь пьянствовать взялся. Работать не заставишь, с меня и с матери денежки тянет. Уже дважды руку на меня поднимал... на отца родного, эх! Я ведь что сказать-то хотел...

Егор тоже встал, похлопал учителя по плечу, тот нетерпеливо топтался на месте.

— Мне зять-то теперь сына дороже, он все — в дом, а этот, дубина здоревенная, все — из дома, нас с матерью сверзал. Нехорошо говорю, но зятек-то, выходит, по всем статьям до-ро-же...

— Образумится, — попытался успокоить его учитель. — Рад за Любашку, очень рад, — химик ободрительно улыбнулся и, повернувшись, зашагал в сторону парка.

---

**И.В. БЫКОВ,**

*член Союза писателей России,  
ранее работал учителем биологии и химии,  
г. Новоронж*

